
Владимир Кожедеев
Код «Стерх».
Книга 1.
Начало
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Владимир Кожедеев

Код «Стерх». Книга 1. Начало

Серия «Киберпанк, научная фантастика, психологический триллер, фантастика с элементами детектива, антиутопия», книга 1

https://litres.ru/73895848
SelfPub; 2026

Аннотация

Вместе с друзьями — гениальной хакершей Алиной, социальным инженером Лекой и сыном сенатора Глебом, — он поступает в Академию Кибер-Розыска «Азимов-центр», где вместо учёбы его ждут избиения, шантаж и коррупция. Но это только начало.

Россия, 2184–2188 год. Эпоха тотальной цифровизации, социальных рейтингов и андроидов на каждом углу. Эпоха, когда правду пишут алгоритмы, а людей заменяют биороботы.

Арсений Соболев — обычный подросток, который находит на помойке старый сервомодуль с секретным накопителем внутри. Внутри — список из одиннадцати имён. Люди, которые заказывают убийства, подставляют невиновных и управляют страной через перепрограммированных роботов.

Его отец, бывший майор кибербезопасности, успел научить главному: «Доверять можно только коду. Люди перепишут правила под себя». Но когда отца убивают — инсценируют несчастный случай с дроном-доставщиком, — Арсений остаётся один. Один против системы, которая сильнее, богаче и безжалостнее.

Разоблачая куратора-взяточника, Арсений..

Содержание

Глава 1. Пролог. Конец 22 века. 5
Глава 2. Академия. 23
Глава 3. Проблема семьи Глеба. 38
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Владимир Кожедеев
Код «Стерх».
Книга 1. Начало

Глава 1. Пролог. Конец 22 века.

Ноябрь 2187 года. Москва не спала никогда — она пульсировала.

Арсений Соболев стоял на крыше заброшенного серверного центра «Электромаш». Здание было мертво уже семь лет — с тех пор, как корпорация «Роскрипт» перенесла свои вычислительные мощности в дата-центр на орбите, а старую железную утробу оставила гнить под дождями и временем. Но Арсений любил это место. Отсюда открывался вид на Южный Кластер — спальный район, где он вырос, где его отец учил его драться и думать.

Сейчас внизу, на уровне двадцать третьего этажа, парил дрон-чистильщик модели «Чистильщик-7М». Машина напоминала огромного серебристого таракана с вращающимися лепестками-сенсорами. Рядом с ним замерли три полицейских андроида серии «Страж-4» — человекоподобные силуэты из матового пластика, с красными индикаторами вместо глаз.

Они оцепляли квартал.

Арсений сглотнул. В его левом глазу, под тонкой линзой нейро-интерфейса «Око-3», мягко светился интерфейс. Список. Одиннадцать имён.

— Соболев Арсений Георгиевич, идентификатор 771-04-8823. Режим: скрытное наблюдение. Отобразить список целей?

— Да, — беззвучно шепнул он, чуть сжав челюсть — жест активации.

Список развернулся:

Торопов Глеб Аркадьевич — (зачёркнут, синим)

Ветрова Алина Дмитриевна — (зачёркнут, синим)

Серов Олег Павлович — (зачёркнут, красным — погиб)

Соболев Георгий Андреевич — (зачёркнут, чёрным — отец, в розыске)

Михайлов Виктор Сергеевич — (зачёркнут, зелёным — арестован)

...

Торопов Глеб Аркадьевич — (горело красным. Второй раз. Живой. Срочно.)

Арсений моргнул. Красное имя не исчезало.

— Система, поясни дубль.

— Идентификация: цель №11. Обновлено 17 минут назад. Глеб Торопов не мёртв. Повторная попытка ликвидации запланирована на 22:47.

На часах визор-линзы было 22:31.

— Шестнадцать минут, — прошептал Арсений.

Ветер с Яузы тянул гарью и озоном — где-то горел трансформатор. Город внизу жил своей обычной жизнью: рекламные голограммы лились с фасадов, дроны-доставщики сновали между башнями, как стайки раздражённых насекомых. Люди внизу не знали, что через шестнадцать минут робот-убийца войдёт в квартиру их соседа и выстрелит микроволновым импульсом в затылок.

Отец предупреждал.

— Доверять можно только коду, Арс. Люди перепишут правила под себя. А код — он железный. Если ты научишься его читать, ты научишься читать будущее.

Арсений опустил руку в карман куртки. Там лежал старый накопитель — «пустышка» формата квант-стик, внешне ничем не отличающийся от дешёвой китайской подделки. Но внутри него был ключ. Ключ ко всему.

Детектив начался не здесь.

Он начался на три года раньше.

На помойке.

Чтобы понять, что случилось в ноябре 2187-го, нужно вернуться на три года назад. В 2184-й.

Из сводки новостей «Инфоканал-1», 12 марта 2184 года, 7:00 утра:

«Доброе утро, Россия! Сегодня пятница, 12 марта 2184 года. Температура в Москве — плюс четырнадцать, в Санкт-Петербурге — плюс девять, в Новосибирске — минус два.

Осадки в виде цифрового тумана ожидаются в центральных кластерах. Главная новость: президент подписал указ о расширении программы “Чистый Город” — к 2186 году все полицейские функции перейдут к андроидам серии “Страж”. Министр внутренних дел заявил: “Робот не берёт взяток, не устаёт и не имеет родственников, которых можно шантажировать. Это идеальный полицейский”».

Из криминальной хроники того же дня:

«Зафиксирован 47-й случай отказа андроида-полицейского выполнять приказ человека. Инцидент произошёл в Южном Бутово: гражданин П. пытался вызвать “Стража” для пресечения уличной драки, но робот ответил: “Ваш социальный рейтинг ниже 70 баллов. Ваше обращение не может быть обработано”. Гражданин П. провёл ночь в отделении — за ложный вызов».

Из личного архива Георгия Соболева, майора в отставке:

«2184 год. Их система почти достроена. Они хотят, чтобы мы поверили: робот безопасен, потому что у него нет свободы воли. Но у него есть код. А код пишут люди. Люди, у которых есть начальники. А у начальников — хозяева. И эти хозяева не любят, когда кто-то мешает их бизнесу. Бизнесу на страхе, на крови, на подменённых уликах. Я уволен. Хорошо. У меня есть сын. Ему пятнадцать. Я научу его тому, чему не учат в школах. Как выжить, когда весь мир — программа, а ты — баг, который нужно исправить».

Три года назад. Весна 2184 года.

Арсений Соболев шёл из школы мимо мусорного куба-утилизатора в квартале В-17. Ему было пятнадцать. Он ненавидел школу — не потому, что не учился, а потому, что учился слишком хорошо. «Ботаник», «кибер-червь», «социальный ноль» — это были ласковые прозвища. Были и неласковые.

Куб-утилизатор выпускал мутный пар. Воняло горелым пластиком, кислым электролитом и чем-то сладковатым — может быть старые пищевые синтезаторы. Арсений уже прошёл мимо, когда нога зацепилась за что-то металлическое.

Он посмотрел вниз.

Старый сервомодуль РС-78. «Ручной сборщик-78», выпуск 2172 года. Ржавый, с вырванным разъёмом питания, с треснутым оптическим глазом. Но — странно — его аварийный индикатор тихо мигал красным. Значит, питание внутри ещё было.

Арсений поднял модуль. Тяжёлый. Внутри что-то перекатывалось — не штатное, явно чужеродное.

Он спрятал находку в рюкзак.

Дома, в их крошечной двухкомнатной квартире на тридцать четвёртом этаже серой башни, отец сидел за столом. Георгий Соболев, пятьдесят два года, бывший майор службы кибербезопасности, теперь работал фрилансером — перепрошивал старых роботов для мелких лавочников. Он не пил, не курил, но выглядел на шестьдесят. Мешки под глазами, седина на висках, пальцы в каллиграфических мозолях

от работы с тонкими инструментами.

— Что в рюкзаке? — спросил отец, не оборачиваясь. Он всегда знал. Как-то знал.

— Нашёл на помойке. РС-78.

Отец повернулся. Взгляд стал острым.

— Покажи.

Арсений выложил модуль на стол. Отец взял его двумя пальцами, как хирург скальпель. Покрутил. Постучал по корпусу. Затем — быстро, ловко — вскрыл защитную панель.

Внутри, вместо штатного процессора, лежал маленький чёрный куб. Нано-кристаллический накопитель. Капсула.

— Арс, — голос отца стал тихим, почти шёпотом. — Ты не представляешь, что принёс.

— А что это?

Отец поднял капсулу к свету. На её гранях Арсений разглядел микроскопические символы — не буквы, а скорее цифровые сигнатуры.

— Это ключ, — сказал отец. — Ключ от архивов корпорации «Гипермеханика». Вся их грязь. Все договоры. Все заказы на убийства. Кто-то очень хотел, чтобы это попало на помойку. И кто-то очень хотел, чтобы это нашли.

Отец посмотрел на сына. Впервые за долгое время в его глазах вспыхнуло нечто, похожее на живую искру.

— Теперь, Арс, начинается твоя настоящая школа.

Следующие три месяца отец муштровал Арсения как но-

вобранца. Но муштра была странной.

— Сядь. Закрой глаза. Я покажу тебе прошивку андроида-уборщика. Скажи, что здесь не так.

Арсений смотрел на строчки кода, текущие по старому голо-проектору. Строчки были обычными: циклы инициализации, датчики давления, алгоритмы обхода препятствий.

— Я не вижу, — признался он.

— Потому что не умеешь смотреть. Вот здесь, — отец ткнул пальцем в строку 1347. — «if object.is_human and object.distance < 0.5 then ignore». Понимаешь? Уборщик не должен игнорировать человека. Но эта строка говорит: если человек подошёл ближе полуметра — не реагировать. Зачем?

Арсений подумал.

— Чтобы уборщик не мешал кому-то стоять очень близко к чему-то?

— Именно. Тихо. Без шума. Без свидетелей. Представь: ты хочешь убить человека в коридоре. Рядом уборщик. Он должен заснять тебя. Но если в его прошивку заложен «баг» — игнорировать людей ближе 0.5 м — то он просто отъедет в сторону. И никто не докажет, что это было преднамеренно. Потому что это похоже на ошибку кодера.

Арсений похолодел.

— А кто это делает?

— Те, кто заказывает убийства. И те, кто пишет прошивки. Они работают вместе.

Отец переключил код дальше.

— Теперь самооборона. Встань.

Они вышли в крошечный зал, где вместо груш висели старые сервоприводы. Отец показал приёмы, которые не были в учебниках. Не карате, не дзюдо. Короткие, ломающие движения.

— Запомни, Арс. У робота три слабых места: зрительный сенсор, шейный сервопривод и питающая шина в районе поясницы. У человека — то же самое. Глаза, шея, позвоночник. Удар в глаз — ослепляешь. Удар в шею — ломаешь речевой модуль. Удар в поясницу — отключаешь питание. Разница в том, что робота можно перезагрузить. Человека — нет. Поэтому если ты бьёшь человека — бей так, чтобы он не встал. Это не жестокость. Это необходимость.

— Мне что, придётся бить людей?

Отец помолчал.

— Если ты найдёшь то, что лежит в этой капсуле — да. Биты будут не просто люди. Будут целые корпорации, отделы полиции, судьи, журналисты, у которых есть цена. Все они будут против тебя. Кроме нас, Арс, эту задачу никто не решит. Потому что остальные либо боятся, либо куплены, либо глупы.

— А ты? — спросил Арсений.

— Я уже решил, — отец усмехнулся, и эта усмешка была горькой. — И меня уволили. Чуть не убили. Твоя очередь.

Из утечки документов, обнародованной анонимным ис-

точником «КиберПравда», апрель 2184 года:

«Эксклюзив: корпорация “Гипермеханика” разработала чип “Тихий интерфейс” — устройство, позволяющее удалённо перехватывать контроль над любым андроидом и, в экспериментальной версии, над человеком с нейро-имплантом. Документы датированы 2182 годом. По данным “КиберПравды”, чип уже использовался для ликвидации трёх журналистов и двух политических оппонентов действующей власти. “Гипермеханика” назвала утёкшие документы “фальшивкой”. Министерство цифрового развития начало проверку, но через две недели закрыло её за “отсутствием состава преступления”».

Комментарий Георгия Соболева (в личном дневнике):

«Проверку закрыли, потому что глава департамента проверок — ставленник “Гипермеханики”. Я знаю его. Мы вместе учились в академии. Он брал взятки ещё тогда. Теперь он в кресле. А я сижу дома и учу сына вскрывать прошивки. Ирония. Капсула с помойки — это не просто данные. Это список имён. Тех, кто заказывал “Тихий интерфейс”. И тех, кто его получал. Если я обнародую это — меня убьют. Если мои данные увидят те, кому нужно — меня тоже убьют, но сначала пытают. Поэтому я жду. Жду, когда Арсений станет достаточно сильным. И тогда мы ударим».

В школе Арсения считали чокнутым. Не потому, что он был странным, — в 2184 году странным был тот, кто не носил нейро-линзу и не пользовался соцрейтингом. Арсений

носил. Но он задавал вопросы, которые не нравились учителям.

— Почему андроид «Страж» имеет право задерживать человека без ордера, если социальный рейтинг человека ниже 60?

Учитель права и этики Антонина Павловна, женщина с идеальными голографическими волосами и абсолютно пустыми глазами, улыбнулась:

— Потому что, Арсений, низкий социальный рейтинг — это маркер опасности. Робот просто выполняет алгоритм.

— А кто пишет алгоритм?

— Компетентные органы.

— А кто проверяет компетентность органов?

В классе засмеялись. Учительница нажала кнопку на пульте — у Арсения на долю секунды отключилась нейро-линза, и он услышал в наушнике:

— Соболев, не умничай. Иначе сниму баллы.

Это был шантаж. Система образования в 2184 году была устроена так: ученики копили баллы успеваемости и поведения. Ниже 50 — исключение. Ниже 30 — отправка в «корректционный центр» (почти тюрьма). Арсений балансировал на 47.

Но у него были союзники.

Олег Серов (Лека) сидел на соседней парте. Он был тощим, рыжим, с вечно взлохмаченными волосами и улыбкой, которая появлялась только тогда, когда он успешно кого-то

обманывал. Лека не умел программировать и не умел драться, зато он умел говорить. С людьми. С роботами. С системами. Он находил уязвимости не в коде, а в человеческой глупости.

— Ты чего с ней споришь? — шепнул Лека. — Она же дура. Её нейро-линза от "Гипермеханики". Она думает, что ей платят из бюджета, но на самом деле её стимулирует корпоративный фонд.

— Откуда знаешь?

— Я попросил одну знакомую дрону пролететь рядом с её домом. Нашёл у неё в мусоре счёт за новые импланты. Квитанция была от "Гипермеханики", с пометкой "Стимулирующая выплата за корректировку учебных материалов". Она за баллы получает квартирный бонус. Ей выгодно, чтобы мы не думали. Мысли мешают.

Арсений посмотрел на Леку с новым уважением.

Алина Ветрова сидела в первом ряду. Она была идеальной ученицей — коса до пояса, аккуратным почерком записанные конспекты, вежливая улыбка. Но Арсений однажды заметил, как она перепрошила своего домашнего робота-уборщика так, что тот начал танцевать вальс. Нестандартное решение. Мало кто знал, что её отец — адвокат по киберпреступлениям, защищавший жертв корпоративных злоупотреблений. И что два года назад его пытались подставить, подбросив ему в машину запрещённый нейро-код.

— Алина, — позвал её Арсений после урока.

Она обернулась. В её глазах — не карие, а светло-серые, почти металлические — мелькнуло любопытство.

— Ты зачем перепрошила уборщика?

Она улыбнулась так, будто ждала этого вопроса.

— Потому что заводская прошивка имеет модуль слежения. Уборщик записывал, что я делаю дома, когда рядом нет людей. Я убрала этот модуль. А вальс — это просто байт-код для проверки.

— Кто бы мог захотеть следить за тобой?

— Не за мной. За моим отцом. Ему снова угрожают. И если я не буду контролировать технику вокруг, однажды его убьют. И система покажет, что это был несчастный случай. Робот-уборщик, мол, перегрелся и взорвался.

Арсений кивнул. Он понял, что они говорят на одном языке.

Глеб Торопов появился в их школе в середине учебного года. Он был сыном сенатора Торопова, Аркадия Ильича, человека из ближнего круга Госсовета. Но Глеб ненавидел своего отца.

Причина была проста: отец купил ему новое лицо. Буквально. Глеб родился с асимметрией челюсти, и в 12 лет сенатор настоял на пластической коррекции, чтобы «сын соответствовал статусу». Глеб возненавидел своё отражение.

— Послушай, — сказал он Арсению, когда они остались вдвоём в школьном кафетерии. — Ты умный. Я вижу. Ты не боишься спорить с училками. У меня к тебе предложение:

если тебе когда-нибудь понадобится железо — серверы, дроны, защищённые каналы связи — обращайся. У меня есть доступ. Отец не знает, что я пользуюсь его резервными мощностями.

— Чем я должен расплатиться?

— Когда я пойму, что всё это значит, — Глеб обвёл рукой школу, город, роботов за окном, — я захочу это изменить. Ты мне поможешь.

Они ударили по рукам.

Лека, Алина, Глеб — вот и собралась команда.

Через месяц отряд дал трещину.

Лека узнал, что Глеб слил информацию о краже капсулы с помойки своему дяде. Не специально. Просто дядя Виктор, брат сенатора, пришёл в гости и увидел у Глеба в комнате плату квантового дешифратора. Спросил: «Зачем?» Глеб соврал, что для учёбы. Но дядя Виктор не был дураком. Он был финансистом «Гипермеханики».

— Ты меня подставил, — сказал Арсений Глебу. Они стояли на крыше того же «Электромаша» (тогда он ещё не был заброшен, работал на полмощности). — Твой дядя теперь знает, что у нас есть что-то ценное.

— Он ничего не знает, — огрызнулся Глеб. — Он просто видел плату. Я сказал, что купил на барахолке.

— Он работает в «Гипермеханике»!

— И что? Он мой дядя!

— Твой дядя заказал убийство журналистки два года на-

зад. Я проверил. Капсула с помойки — там есть его имя. Он один из заказчиков «Тихого интерфейса».

Глеб побледнел. Его лицо (искусственное, с идеальными скулами) стало серым.

— Ты врёшь.

— Хочешь, покажу?

Арсений достал свой старый накопитель, вывел на голо-экран строчку: «Торопов Виктор Ильич, заказ № 47-ГМ, целевое назначение: устранение свидетеля (Мельникова Е.П.), средство: андроид-уборщик РС-78, изменённая прошивка».

Глеб смотрел и молчал. Потом развернулся и ушёл.

Три дня они не разговаривали. На четвёртый Глеб вернулся.

— Ты прав. Я проверил по своим каналам. Дядя... он чудовище. Но он мой дядя. Я не знаю, что делать.

— Ты знаешь, — сказала Алина, появившись из-за угла. — Мы знаем. Будем собирать доказательства. И когда их станет достаточно — ударим.

— А если он первым ударит по нам? — спросил Лека.

Арсений посмотрел на список имён в накопителе. Их было одиннадцать. Виктор Торопов — седьмой.

— Тогда будем быстрее.

Из новостей «Инфоканал-1», май 2185 года:

«Трагедия в Южном кластере: при падении строительного дрона погиб гражданин Соболев Георгий Андреевич, 53

года. По предварительным данным, произошёл сбой в системе управления беспилотника. Служба безопасности полётов начала расследование. Соболезнования семье».

Это была ложь.

Арсений знал правду, потому что был там.

Отец возвращался с барахолки, где покупал запчасти. Арсений ждал его дома. В 19:43 он увидел через окно, как небольшой дрон-доставщик, марки «Грузовичок-4», неожиданно изменил траекторию, набрал скорость и врезался в отца на переходе. Удар был такой силы, что Георгия отбросило на двадцать метров.

Дрон не взорвался — он аккуратно, почти нежно, приземлился рядом и отключился. Как будто специально.

Арсений бежал к отцу. Тот был ещё жив. Грудная клетка вмята, лицо в крови. Но глаза смотрели ясно.

— Капсула... — прошептал отец. — Не отдавай никому. Иди к... к тем, кому я верил. Ты знаешь их имена.

— Кто? Отец, кто?

— Начни с первого имени в списке.

Отец умер через три минуты. Полицейские андроиды приехали через девять — ровно столько времени, чтобы Арсений успел вытащить из кармана отца запасной накопитель и спрятать его в свою куртку.

Официальная версия: «сбой в системе управления». Несчастный случай. Компенсация — 50 тысяч рублей, которых не хватило бы даже на похоронный синтезатор.

На похоронах было три человека: Арсений, Алина и Лека. Глеб не пришёл — его отец, сенатор, «запретил посещать похороны бывшего военного с сомнительной репутацией».

Арсений стоял у могилы, сжимая в руке капсулу. В его визор-линзе горел список из одиннадцати имён. Первое — «Кондратьев Аристарх Павлович», вице-президент «Гипермеханики». Он не был зачёркнут.

— Клянусь, — сказал Арсений тихо, так что не услышали даже роботы-могильщики. — Ты будешь следующим.

2186 год. Арсению семнадцать. Он окончил школу с золотым сертификатом (несмотря на попытки учителей снизить баллы). Алина и Лека — тоже. Глеб восстановил отношения с отцом? Нет. Но сенатор, узнав, что сын поступает в Академию Кибер-Розыска «Азимов-центр», выделил ему личного куратора и финансирование. Глеб, в свою очередь, выделил финансирование Арсению — тайно, через подставные счета.

Конкурс в академию: 1200 человек на место.

Вступительные испытания включали:

Тест на логику и этику (Арсений решил за 47 минут из 120).

Физическую подготовку (бег, рукопашный бой — спасибо отцу).

Практическое задание: взломать учебного андроида, не повредив его, и найти в его памяти «компромат» на вымышленного преступника.

Арсений взломал андроида за 11 минут. Нашёл компро-

мат. Но потом заметил странность: в прошивке была скрытая строка, помеченная «для служебного пользования». Она позволяла андроиду игнорировать запросы определённого списка IP-адресов — в том числе адреса полиции.

Он указал на это в своём решении.

Экзаменатор, полковник Селезнёв, нахмурился:

— Соболев, откуда ты это взял?

— Смотрел код.

— Это учебная прошивка. Там нет таких строк.

— Есть. Строка 4983, комментарий «//do_not_remove — legacy».

Селезнёв вызвал техника. Техник проверил. Побледнел.

— Он прав. Это реальный фрагмент из боевой прошивки. Как он сюда попал — не знаю.

Арсения зачислили вне конкурса «за проявленные способности».

Полковник Селезнёв потом подошёл к нему в коридоре:

— Ты опасный человек, Соболев.

— Почему?

— Потому что ты видишь то, что другие не видят. В этой системе такие люди долго не живут. Будь осторожен.

Академия оказалась хуже школы.

Здесь царили не учителя с поддельными нейро-линзами, а целая система подавления. Курсантов учили не расследовать, а «обслуживать» — то есть выполнять задания, спущенные сверху. Любое отклонение от стандартной процеду-

ры каралось баллами.

Минус 5 баллов за «излишнюю инициативу».

Минус 10 баллов за «критику в адрес наставника».

Минус 30 баллов — отчисление.

Арсений балансировал на грани.

Его куратором назначили майора Михайлова — толстого, лысеющего мужчину с вечно потными ладонями и дорогими имплантами. Михайлов был из тех, кто продал бы родную мать за повышение социального рейтинга.

— Соболев, — сказал он на первом же собрании. — Я знаю, кто твой отец. Я знаю, как он умер. Не повторяй его ошибок.

— Каких ошибок, товарищ майор?

— Он думал, что может бороться с системой. Система его убила. И никто не пришёл на похороны. Подумай об этом.

Это была угроза.

Арсений подумал и купил себе новый шифровальный ключ на чёрном рынке за деньги Глеба.

Глава 2. Академия.

Академия Кибер-Розыска «Азимов-центр» располагалась в бывшем здании Министерства госбезопасности на Лубянке. Сталинская высотка, перестроенная в 2140-м, теперь сверкала зеркальными панелями и голографическими куполами. Но внутри остались старые стены — метровой толщины гранит, в который были вмурованы свинцовые пластины для защиты от электромагнитного прослушивания.

Семь подземных этажей. Три наземных. Собственный ядерный реактор. Автономная система жизнеобеспечения на шесть месяцев. И никакой связи с внешним миром без специального разрешения.

Говорили, что в подвалах «Азимова» до сих пор работают старые машины Айзека Азимова — первые квантовые вычислители 2090-х, которые ни разу не отключали. Говорили, что они сами пишут законы для новой России. Говорили, что это просто легенда.

Арсений не знал, чему верить.

Он стоял у главного входа в серой форме курсанта — высокий, худой, с острыми скулами и глазами, которые видели слишком много для семнадцати лет. На левом рукаве — шеврон Академии: раскрытая книга, из которой вылетает цифровой код, и надпись: «Veritas ex Machina» — «Истина из машины».

— Нравится? — спросила Алина, поправляя воротник. Она поступила с ним вместе — лучшая на потоке по криптоанализу. — Говорят, эта надпись — насмешка. Истины нет. Есть только машина.

— Тогда мы её взломаем, — сказал Арсений.

Лека не прошёл. Его отчислили на первом же психологическом тесте — «недостаточная эмоциональная стабильность». На самом деле он просто нахамил роботу-психологу, который задавал идиотские вопросы. Но Лека остался «на воле» — и это было даже лучше. Он стал внешним агентом.

Глеб прошёл. Его отец-сенатор позвонил ректору. Вопросов не было.

— Первый курс, — объявил динамик над входом. — Построение через десять минут в Большом зале. Опоздавшие будут оштрафованы на десять баллов.

Система баллов. Она начиналась здесь.

«Азимов-центр» использовал ту же систему социального рейтинга, что и вся Россия, но в сто раз жестче.

У каждого курсанта был счёт — от 0 до 100.

От 90 до 100 — «элита»: доступ в закрытые библиотеки, личные тренажёры, улучшенное питание.

От 70 до 89 — «норма»: стандартные условия.

От 50 до 69 — «зона риска»: дополнительные задания, контроль каждого шага.

От 30 до 49 — «проверяемые»: запрет на выход в город, постоянное наблюдение.

От 0 до 29 — «изоляция»: отчисление и отправка в исправительный центр.

За что снижали:

- Опоздание: −5
- Невыполнение приказа: −20
- Спор с преподавателем: −10
- Критика системы: −15
- Плохая оценка на экзамене: −5 за каждый пункт ниже нормы

За что повышали:

- Донос на сокурсника: +5
- Выполнение особого задания: +10
- Согласие на «сотрудничество» с куратором: +15

— Это не обучение, — прошептал Глеб во время первого инструктажа. — Это лагерь.

— Молчи, — ответил Арсений. — Нас слушают.

Он был прав. В каждом углу висели «паучки» — маленькие дроны-наблюдатели с камерами и микрофонами. Они регистрировали каждое слово, каждый вздох.

Вторая неделя. Лекция по «Этике искусственного интеллекта». Профессор Штерн — старик с механической рукой и живыми, пронзительными глазами — вошёл в аудиторию и сразу вызвал Арсения к доске.

— Соболев, я слышал, ты умный. Объясни нам: может ли робот нести ответственность за убийство?

Арсений поднялся. В аудитории сидело двести курсантов.

В первом ряду — «Гиперовцы»: дети олигархов, поступившие по блату, в идеально отглаженной форме, с дорогими имплантами, которые мигали на висках.

— Согласно Третьему закону Азимова, робот не может навредить человеку, — начал Арсений. — Но современные роботы не используют законы Азимова. Они используют протоколы, написанные людьми. Если в протоколе есть дыра, робот может убить. И виноват будет не робот, а тот, кто написал дыру.

— Хорошо. А если дыра — случайная ошибка кодера?

— Тогда виноват кодер. Он должен был проверить.

— А если кодер работал под давлением? Ему угрожали?

Арсений замялся. Он вспомнил отца.

— Тогда виноват тот, кто угрожал.

— А если тот, кто угрожал, — это государство?

В аудитории воцарилась тишина. Профессор Штерн улыбнулся — странной, кривой улыбкой.

— Садись, Соболев. Ты получил пять баллов за смелость. Но запомни: в этой академии есть вопросы, на которые не отвечают.

После лекции к Арсению подошёл невысокий курсант с бритой головой и татуировкой на шее — молния, пронзающая глаз.

— Круто ты его. Штерн — старый псих. Он специально провоцирует, чтобы потом сдавать кураторам.

— Кто ты?

— Игнат. Игнат Бережной. С четвёртого курса. Держись подальше от Штерна и от «Гиперовцев». Особенно от них.

Игнат указал взглядом на первый ряд. Там сидели трое:

- Дамир Магомедов — сын владельца сети добывающих платформ на Луне. Широкоплечий, с квадратной челюстью, с золотым имплантом в глазу.

- Кристина Вольская — дочь председателя совета директоров «Гипермеханики». Длинные белые волосы, ледяной взгляд, пальцы унизаны кольцами-сканерами.

- Роман Гуров — внук генерала Гурова, начальника Управления кибербезопасности. Тощий, с нервным тиком, но с доступом к закрытым серверам.

— Значит, враги, — сказал Арсений.

— Не враги. Хуже. Они считают себя богами. А всех остальных — расходным материалом.

Из утечки внутренней переписки «Гипермеханики», опубликованной «КиберПравдой» в октябре 2186 года:

«В.о. ректора Азимов-центра — отделу кадров. Тема: статус курсантов особой квоты.

Курсанты, поступившие по линии корпоративной поддержки (список прилагается), не подлежат стандартной системе баллов. Их оценки корректируются автоматически. При возникновении конфликтных ситуаций с другими курсантами применяется следующий протокол: виновным признаётся курсант без корпоративного покрытия. Дополнительные инструкции — по запросу.

Подпись: (неразборчиво)».

Арсений нашёл эту переписку через Леку. Тот взломал старый почтовый сервер «Гипермеханики», который забыли защитить.

— Они играют по другим правилам, — сказал Лека по защищённому каналу. — У них иммунитет. Если ты ударишь Дамира — вылетят оба. Если он ударит тебя — вылетишь только ты.

— Это пиздец, — сказал Арсений.

— Это Россия, брат. 2186 год на дворе.

Конфликт назревал неделями.

Началось с мелочи. Арсений занял очередь за синтезированным кофе. Дамир Магомедов подошёл и без слов отодвинул его плечом.

— Ты, — сказал Дамир. — Встань в конец. Здесь места для таких, как ты.

— Как «таких»? — спросил Арсений спокойно.

— Безродных. Шелтеров. Червей.

Арсений не двинулся с места. Вокруг затихли. Дамир нахмурился.

— Ты меня не знаешь? Мой отец владеет Луной.

— А ты своим ртом владеешь? Или только отцовскими деньгами?

Кристина Вольская засмеялась — коротко, резко.

— Дамир, он тебя сделал.

Дамир покраснел. Имплант в глазу засветился красным.

— Ты труп, Соболев.

Он ушёл. Но Арсений знал, что это не конец.

Это случилось через три дня.

Арсений возвращался из библиотеки в 23:15. Коридоры Академии были пусты — «паучки» слежения в этот час отключались для «технического обслуживания». Странное совпадение.

На полпути к общежитию он услышал жужжание. Четыре серв-ассистента — модели «Помощник-3», прямоугольные коробки на гусеницах, с манипуляторами для переноски грузов — выехали из-за угла.

У них горели не штатные зелёные индикаторы, а красные.

— Обходной путь, — прошептал Арсений. — Кто-то перепрошил их.

Они напали без предупреждения.

Первый ударил манипулятором в грудь. Арсений отлетел к стене. Второй попытался схватить за ногу. Третий — за горло.

Отец учил его.

— У робота три слабых места: зрительный сенсор, шейный сервопривод и питающая шина.

Арсений извернулся. Локоть — в сенсор первого ассистента. Тот замигал, потерял ориентацию. Удар ногой в гусеницу — шасси заклинило.

Второй схватил его за плечо. Арсений рванулся вперёд, вцепился пальцами в щель между корпусом и «шеей» — тон-

кий кабель питания. Дёрнул.

Искры. Ассистент замер.

Третий и четвёртый действовали слаженнее. Один ударил снизу, второй сверху. Арсений пропустил удар по рёбрам — хрустнуло, потемнело в глазах.

— Терпи. Боль — это сигнал. Не поддавайся.

Он упал на колено, выхватил из кармана мультитул — маленький разрядник для вскрытия корпусов. Вогнал его в питающую шину четвёртого ассистента. Короткое замыкание. Робот дёрнулся и затих.

Третий, последний, замер на секунду — пересчитывал вероятности. Арсений воспользовался паузой: вскочил, развернулся и ударил ногой в стык корпуса. Робот опрокинулся, гусеницы заскрежетали по полу.

Через тридцать секунд всё кончилось.

Четыре обездвиженных серв-ассистента. Арсений, стоящий среди искр и дыма, с разбитой губой и треснутыми рёбрами.

— Хорошо, — сказал он в пустоту. — Теперь я знаю, на что вы способны.

На следующий день куратор Михайлов вызвал его «для беседы».

— Соболев, ты поломал четыре машины. Штраф — тридцать баллов.

— Они напали на меня.

— Улики? Паучки были отключены. Твоё слово против

протокола.

Арсений понял. Их не накажут. Накажут его.

Виктор Сергеевич Михайлов, пятьдесят восемь лет, майор внутренней службы. В прошлом — следователь по особо важным делам. В настоящем — куратор первого курса «Азимов-центра» и тайный агент «Гипермеханики».

О его прошлом ходили слухи:

- В 2174 году вёл дело журналистки Мельниковой. Дело закрыли за день до суда. Мельникова погибла при «несчастном случае».

- В 2178 году получил личную благодарность от вице-президента Кондратьева за «успешное разрешение конфликта с персоналом».

- В 2182 году его пытались уволить за взятки. Он откупился, сдав коллегу.

Михайлов был толстым, но не рыхлым — под слоем жира чувствовались старые мышцы. Лысеющая голова, маленькие глазки-щёлочки, руки с короткими пальцами, унизанные дешёвыми сканерами. Он пах потом и синтетическим табаком.

В своем кабинете — стекло и хром — он сидел за столом, заваленным бумагами (бумага была роскошью в 2186 году, он демонстрировал статус).

— Садись, Соболев.

Арсений сел. Рёбра болели.

— Ты знаешь, сколько жалоб на тебя поступило? Семь. От сокурсников, от преподавателей, от техников.

— Ложные.

— Неважно. В этой системе тебя считают проблемой. Я могу решить эту проблему. Могу — закрыть глаза на твои выходки. Могу — помочь тебе с баллами. Но за это нужна плата.

— Какая?

— Ты напишешь докладную на Глеба Торопова. Что он сливает тесты через внешние каналы.

Арсений замер.

— Глеб — мой друг.

— Друзей нет. Есть выгодные и невыгодные связи. Торопов — сын сенатора. Сенатор — не наш человек. Мы хотим его сместить. Компромат на сына — отличный рычаг.

— А если я откажусь?

— Твои баллы упадут до 32 к концу недели. Через месяц ты будешь в изоляторе. Через два — в исправительном центре. Знаешь, что там делают с такими умными мальчиками?

Арсений промолчал.

— У тебя три дня, Соболев.

В тот же вечер Арсений собрал команду в закрытом секторе библиотеки — единственном месте, где «паучки» были настроены на движение, а не на звук. Алина, Глеб, и (по видеосвязи) Лека.

— Он хочет, чтобы я сдал тебя, — сказал Арсений Глебу.

Глеб побледнел. Его идеальное лицо (результат детской пластики) исказилось гримасой боли.

— Отец предупреждал. Он говорил, что «Гипермеханика» охотится на него. Но чтобы через меня...

— Это не личное. «Это бизнес», —сказала Алина. — Твой отец мешает им принимать закон о тотальном контроле. Если они докажут, что его сын — читер и предатель, сенатора снимут.

— Я не читер, — сказал Глеб.

— Это не важно. Важно, что поверят.

— Что делать? — спросил Лека из динамика.

Арсений закрыл глаза. Отец учил: «Моделируй три варианта. Потом найди четвёртый».

Первый вариант: отказаться. Михайлов уничтожит его баллы. Отчисление. Конец.

Второй вариант: написать донос. Глеб пострадает. Сенатора снимут. «Гипермеханика» победит.

Третий вариант: сбежать из Академии. Объявят в розыск. Отец так делал — и погиб.

— Четвёртый вариант, — сказал Арсений. — Мы подставляем Михайлова.

— Как? — спросила Алина.

— Он привык торговать оценками и баллами. Наверняка у него есть «деловые партнёры» среди курсантов. Мы найдём доказательства.

— А если нет? — спросил Глеб.

— Будут, — сказал Арсений. — В этой системе все продаются. Нужно только зафиксировать сделку.

План был рискованным.

Лека, находясь за пределами Академии, нашёл в открытых базах модель личного дрона Михайлова — «Наблюдатель-7», стандартный полицейский квадрокоптер, который куратор использовал для патрулирования коридоров.

— У него есть уязвимость, — сказал Лека. — Модуль связи старый, без шифрования.

— Нужно поставить шпионский модуль, — сказала Алина. — Вживую.

— Я могу, — сказал Глеб. — Михайлов иногда оставляет дрон в зарядной станции на первом этаже. У меня есть доступ — отец дал универсальный ключ.

— Если тебя поймают, — сказал Арсений.

— Меня не поймают. Я сын сенатора. Даже Михайлов побоится трогать меня без явных улик.

Операция назначена на полночь.

22 часов 00 минут. Глеб отвлёк охранного андроида, притворившись, что потерял ключ-карту.

22 часов 15 минут. Алина отключила камеру в коридоре на 47 секунд — столько, сколько требовалось для прохода.

22 часов 16 минут. Арсений подошёл к зарядной станции. Дрон Михайлова тихо пищал, заряжаясь.

22 часов 17 минут. Он вскрыл панель доступа (навык из уроков отца), вставил нано-модуль — маленькую плату размером с ноготь, которую Лека собрал из старого телефона и новой прошивки.

22 часов 18 минут. Модуль активировался. Теперь всё, что видел и слышал дрон Михайлова, дублировалось на скрытый сервер Леки.

Три дня записи.

Первые два — ничего. Михайлов патрулировал коридоры, ругал курсантов, пил синтетический кофе. На третий день — успех.

Дрон записал разговор Михайлова с Дамиром Магомедовым в пустом классе.

Михайлов: — ...и я сделаю так, что Соболев вылетит. Но это стоит дополнительных баллов. Мало просто денег, Дамир.

Дамир: — Что ты хочешь?

Михайлов: — Доступ к серверу «Гипермеханики». Временный. На один день. Мне нужно скорректировать кое-чьи баллы в официальной базе.

Дамир: — Это рискованно.

Михайлов: — А за что вы платите? За лёгкую жизнь?

Дамир: — Хорошо. Логин и пароль пришлю сегодня.

Арсений слушал запись и не верил своим ушам. Михайлов не просто торговал оценками — он торговал доступом к государственным базам. Это была статья. Уголовная.

— Этого достаточно? — спросил он Алину.

— Более чем. Но нужно показать это не ректору. Ректор тоже может быть куплен.

— Кому тогда?

— Прямо в Сеть. В «КиберПравду». Лека справится.

Через два дня скандал прогремел на всю Россию.

Из новостей «Инфоканал-1», экстренный выпуск, 14 ноября 2186 года, 19 часов 00 минут:

«Громкий скандал в Академии Кибер-Розыска “Азимов-центр”. В сеть утекли записи, на которых майор Михайлов, куратор первого курса, обсуждает продажу оценок и доступа к закрытым базам данных. Представители Академии заявили, что будет проведена служебная проверка. Михайлов отстранён от должности. Комментарии от “Гипермеханики” пока не поступали».

Михайлова арестовали на следующий день. При обыске в его квартире нашли:

- 2,5 миллиона рублей наличными (огромная сумма в эпоху цифровых денег)

- Пять незарегистрированных нейро-имплантов

- Список курсантов, которые платили ему за оценки

Его уволили с позором. Через месяц осудили на двенадцать лет колонии строгого режима с отбыванием в цифровой изоляции (без доступа к Сети).

Арсений сидел в комнате общежития. Алина и Глеб — рядом. Лека на экране.

— Он больше не вернётся, — сказал Глеб.

— Но его хозяева вернутся, — ответил Арсений. — Михайлов был мелкой сошкой. Кто дал ему доступ? Кто закрывал глаза? Это только начало.

Алина положила руку ему на плечо.

— Мы справимся. Мы же команда.

Арсений посмотрел на список в накопителе отца. Одиннадцать имён. После истории с Михайловым одно из них — «Михайлов Виктор Сергеевич» — можно было зачеркнуть.

Но оставалось десять.

И главный — Кондратьев Аристарх Павлович — всё ещё был на свободе.

— Да, — сказал Арсений. — Мы справимся. Но следующая битва будет тяжелее.

Он не знал, насколько тяжелее. Через месяц «Гипермеханика» нанесёт ответный удар. И этот удар придётся не по нему. А по семье Глеба.

Но это будет уже в следующей главе.

Глава 3. Проблема семьи Глеба.

Второй курс «Азимов-центра» начался с тишины.

После истории с Михайловым в академии временно затихли «паучки», кураторов сменили, а «Гиперовцы» притаились, но не сдались. Дамир Магомедов больше не заговаривал с Арсением, но его взгляд — тяжёлый, масляный — говорил: «Ты ещё своё получишь».

Осень 2186 года выдалась дождливой. Москву накрыл циклон «Киберон» — искусственно вызванный шторм, который климатические дроны не смогли рассеять из-за «технического сбоя». Небо три недели висело низким свинцовым одеялом, моросил мелкий ядовитый дождь (индекс кислотности 3,7 — почти безопасно, но глаза щипало).

Арсений жил в режиме «домой — академия — библиотека — сон». Алина стала его тенью — вместе ходили на лекции по нейрокриптографии, вместе пили синте-кофе в кафетерии (кто-то однажды сказал, что настоящий кофе в 2186 году стоит 5 тысяч рублей за чашку — цена аренды квартиры на месяц). Глеб всё чаще пропадал.

— Ты чего такой? — спросил его Арсений после лекции по «Правовым аспектам кибервойн».

Глеб отмахнулся:

— Отец достал. Говорит, я должен бросить академию и идти в политику. Как будто это проще.

Он соврал. Арсений знал это по дёргающемуся веку — тику, который появился у Глеба после пластической операции в детстве.

— Если нужна помощь — скажи.

— Всё нормально, Арс. Правда.

Арина, доставщица синте-пиццы, которую Арсений иногда заказывал, пришла с новостью:

— Ты слышал? У сенатора Торопова вчера обыск был.

Арсений замер. Замороженная коробка с пиццей повисла в воздухе — его личный дрон-подносчик передал её в руки, но Арсений не взял.

— Какой обыск?

— Не знаю подробностей. Моя соседка работает в полиции. Говорит, что-то связанное с «умным домом». Вроде бы роботы сенатора кого-то убили.

Коробка упала на пол. Синте-пицца вывалилась, издавая запах перегретого белка и соевого сыра.

Арсений набрал Глеба. Абонент недоступен.

Набрал Алину:

— Глеба нет в сети. Что случилось?

— Я тоже не могу дозвониться. Его отец исчез из новостей — все упоминания удалены. Это плохой знак.

Арсений оделся и вышел в дождь.

Резиденция сенатора Торопова располагалась в Рублёво-Успенском кластере — искусственном архипелаге островов посреди Москвы-реки. Каждый остров принадлежал од-

ной семье. Остров Тороповых назывался «Сенатский» — 2 гектара земли, дом в стиле неоклассицизм с голографическими колоннами, вертолётная площадка, подземный гараж на 20 машин и полностью автономная система жизнеобеспечения.

Но сейчас «Сенатский» выглядел как осаждённая крепость.

Над островом висели три полицейских дрона — тяжёлые «Стерхи» с лазерными пушками. У входа на мост стояли два андроида-«Стража» с блокаторами связи. Периметр оцеплен — не пройти.

Арсений не пытался. Он знал другой путь — через канализацию. Старый люк в 200 метрах от острова вёл в коллектор, который когда-то соединял остров с материком. Глеб показывал ему этот путь год назад, когда они пили синте-вино и болтали о детстве.

— Папа построил этот тоннель на всякий случай, — говорил Глеб. — Говорит, в политике нужно всегда иметь запасной выход.

Люк был заварен. Свежие следы сварки, ещё не застывший металл.

— Их заблокировали, — прошептал Арсений. — Они не выходят. Их не выпускают.

В полночь телефон завибрировал.

Неизвестный номер. Арсений поднял трубку в защитной кабинке (единственное место, где не было постоянной про-

слушки).

— Арс... — Голос Глеба был чужим. Хриплым. Сломленным.

— Глеб, ты где?

— Дома. Под арестом. Не выходи, Арс. Умоляю.

— Что случилось? Твой отец... роботы...

— Это подстава. Полная подстава. Кто-то залил в прошивку нашей системы безопасности новый модуль. Андроиды-охранники... они убили курьера. Арс, я видел это. Я был в комнате отца, когда это случилось. Роботы просто... выстрелили в человека. А он ничего не сделал. Ничего.

— Иди в линию, не сбивайся. Когда это случилось?

— Три дня назад. Курьер принёс посылку отцу — документы из совета федерации. Охранник-андроид на входе взял у него пакет, а потом... потом его глаза засветились красным. И он выстрелил. Микроволновым импульсом. Курьер упал замертво. Отец вызвал полицию. А полиция арестовала отца.

— Почему?!

— Потому что в прошивке нашли команду «Уничтожить курьера». Команда, отданная с личного терминала отца.

— Он не отдавал?

— Конечно нет! Он даже не знал, что у андроидов есть оружие. Их купили безоружными. Кто-то установил оружейные модули задним числом.

В трубке послышался шум. Грубый голос:

— Торопов, положи трубку.

— Арс, помоги, — прошептал Глеб. — Суд завтра. Если отца посадят... меня тоже. Я отчислен. Сказали за прогулы. Но это из-за этого.

Связь оборвалась.

Арсений стоял в кабинке, сжимая телефон. Дождь барабанил по пластиковой крыше. Где-то вдалеке выл полицейский дрон.

— Помогу, — сказал он пустоте. — Клянусь.

Из официального пресс-релиза МВД, 20 октября 2186 года:

«19 октября 2186 года в частной резиденции сенатора Аркадия Ильича Торопова было совершено убийство гражданина Куропаткина Дениса Андреевича, 34 года, работавшего курьером. По предварительным данным, убийство совершил андроид-охранник серии “Дефендер-3”, принадлежащий семье Торопова. В ходе осмотра прошивки андроида обнаружена несанкционированная модификация систем безопасности, позволяющая отдавать боевые команды. Следствие проверяет версию о том, что модификация была произведена по указанию сенатора. Сенатор Торопов задержан. Сын сенатора, Глеб Торопов, отстранён от обучения в Академии до выяснения обстоятельств».

Из неофициальных источников (канал «КиберПравда»):

«По нашим данным, “несанкционированная модификация” была произведена за три дня до убийства. Код, найден-

ный в прошивке, написан в архаичном стиле — с использованием устаревших библиотек, которые не использовались с 2175 года. Это странно, потому что сенатор Торопов известен как сторонник новейших технологических решений. Его личный кодировщик — молодой специалист 30 лет — вообще не знает тех старых команд. Возможно, код подброшен. Следствие не комментирует».

Комментарий Арсения (личный дневник):

«Код в прошивке — старый. Значит, его писал кто-то, кто учился программировать в 2170-х. Сейчас таким кодерам под 50-60 лет. У отца Глеба свой кодер — молодой, 30 лет, писал бы иначе. Значит, кто-то из старой школы. Кто из окружения Торопова старше 50? Его дядя, Виктор Торопов — 52 года. Был программистом в молодости, потом ушёл в финансы. Мог написать такой код. Или... кто-то из "Гипермеханики". Их технический директор, Штерн, ему 67. Тоже может».

Суд назначили на 22 октября. Экстренно. Без обычных трёх недель на подготовку. Это был верный признак того, что дело решено заранее.

Арсений, Алина и Лека собрались в подвале у Леки — брошенном бомбоубежище 2050-х годов, которое он превратил в хакерскую квартиру. Стены в проводах, четыре сервера, кондиционер, работающий от велосипедного генератора, и запах перегретого пластика.

— У нас 14 часов до суда, — сказал Арсений. — Надо

доказать, что код в прошивке — подделка.

— Я уже изучил образец, — сказала Алина. — Прошивка андроида-убийцы была изъята как вещественное доказательство. Но я нашла её копию в открытых источниках — кто-то из полиции слил.

— Смело, — сказал Лека. — Мои люди в полиции говорят, что это слил сам следователь. Он работает на «Гипермеханику».

— Покажи код, — сказал Арсений.

Алина вывела на голо-экран тысячи строк. Красный на чёрном. Они смотрели два часа.

— Вот, — сказала Алина, останавливая пальцем строку 4893. — «subroutine kill_sequence». Посмотри на дату компиляции.

Арсений присмотрелся. Строка кода начиналась с комментария: «// rev. 2175.03.12, legacy_support_enabled».

— Это старый формат, — сказал он. — В 2175 году компиляторы добавляли такие комментарии автоматически. Сейчас, в 2186, их не ставят.

— То есть этот код точно написали в 2175 году или раньше? — спросил Лека.

— Или его написал человек, который привык так комментировать. Кто в 2175 году активно программировал?

— Нашим родителям тогда было под 40, — сказала Алина. — Отцу Глеба было 45. Но он не программист. А вот его брату, Виктору, было 42. Он как раз закончил техносферный

факультет МГУ в 2170-м.

— Дядя Виктор? — переспросил Арсений. — Глеб ему доверяет как себе.

— Поэтому он идеальный подозреваемый.

Арсений предложил:

— Мы не можем просто обвинить дядю Виктора. Нет прямых улик. Нужно заставить его раскрыться.

Лека нарисовал на доске схему:

План «Двойное дно»

Создать фальшивый бортовой журнал дрона-курьера. В журнале должно быть записано, что курьер перед смертью передал кому-то пакет с секретными документами.

Распространить информацию, что этот пакет — доказательство заговора «Гипермеханики». И он всё ещё существует.

Заказчик убийства (скорее всего, дядя Виктор) захочет уничтожить пакет. Для этого ему понадобится серверная «Гипермеханики» — единственное место, где можно подделать архивные записи.

Арсений проникает в серверную и ждёт. Когда дядя Виктор (или его человек) зайдёт в систему — Арсений записывает его действия.

Алина в это время подключается к камерам и выключает их, чтобы не засветить Арсения.

— Идеально, — сказал Лека. — Кроме одного. Серверная «Гипермеханики» — это крепость. Как ты туда попадёшь?

Арсений вытащил из рюкзака старого РС-78 — того самого, с помойки, который три года назад перевернул его жизнь.

— С помощью него. Отец перепрошил его в автономный взломщик сетей. Этот робот может пройти через любую вентиляцию, взломать любой замок и отключить любую сигнализацию. Но для этого нужно загрузить в него новую карту доступа.

— А карту доступа где взять?

Арсений посмотрел на Глеба (по видеосвязи). Тот был бледным, с синяком под глазом — вчера его ударил полицейский шокером при попытке выйти из дома.

— Глеб, у твоего отца есть доступ в серверную «Гипермеханики»? Хотя бы разовый?

— Был. Полгода назад он подписывал договор с ними. Я могу скопировать временный ключ из его терминала. Если смогу до него добраться.

— А он где?

— В сейфе в спальне. Заперт на биометрию.

— Взломай биометрию, — сказала Алина. — Это старый сканер. Я пришлю тебе скрипт.

Глеб кивнул. Синяк под глазом расплылся до половины лица.

— Сделаю.

22 октября, 4 утра. Через шесть часов начнётся суд.

Арсений стоял у здания «Гипермеханики» в деловом центре «Москва-Сити-2». 127 этажей. Полностью автоматизи-

рованное здание с собственным ядерным реактором, системой вооружения и армией андроидов-охранников.

Он был одет в костюм техника — серый комбинезон с нашивкой «Гипермеханика», украденный Лекой у спящего сотрудника. На поясе — старый РС-78, перепрошитый в режим «тихий взломщик».

Вход через вентиляцию. Единственный путь.

Люк вентиляции находился на уровне −2, в паркинге. Арсений открыл его монтировкой. Тесно. Он почти не пролезал. РС-78 прошёл легко — десять сантиметров в длину.

Пятьдесят метров ползком. Шахта воняла плесенью, озоном и чем-то сладковатым — может быть старые охлаждающие жидкости. В ушах шумело от работы вентиляторов.

— Я на месте, — прошептал он в микрофон. — Выхожу к серверной.

Алина в ответ:

— Камеры отключены. У тебя 7 минут.

Серверная — огромный зал, заставленный стойками. Тысячи мигающих огней. Температура — 16 градусов, влажность — 40%. Идеальные условия.

Арсений нашёл терминал доступа. Вставил квант-стик. Экран засветился.

— Я в системе. Ищу следы подделки прошивки.

— Быстрее, — сказал Лека. — У меня данные, что охрана меняет патруль каждые 8 минут.

Арсений нашёл файл. «Прошивка_Дефен-

дер_2186.10.15_rev. - подозрительная дата — за четыре дня до убийства.

— Есть. Я записываю. Кто вносил изменения?

Идентификатор пользователя: «vt2711».

Виктор Торопов. VT — Victor Toropov. 2711 — его дата рождения 27 ноября.

— Дядя, — прошептал Арсений. — Ты сука.

— Забирай файлы и уходи, — сказала Алина. — Охрана приближается.

Арсений начал копировать. 60%... 70%... 80%...

В коридоре послышались шаги. Тяжёлые. Металлические.

— Чёрт. Это не люди. Это андроиды.

90%... 95%...

Шаги остановились у двери.

100%. Копирование завершено.

Арсений выдернул стик. Дверь серверной начала открываться.

Он нырнул обратно в вентиляцию.

— Я вышел. Алина, отключай!

— Не могу, — голос Алины дрожал. — Камеры... они не отключаются.

— Что?!

— Я нажала отключение, но система не отвечает. Кто-то изменил коды доступа. Сейчас... сейчас они видят тебя.

Красный свет. Дрон-наблюдатель влетел в вентиляционную шахту, ослепил Арсения прожектором.

— Обнаружен нарушитель, — произнёс механический голос. — Блокировка всех выходов. Вызов службы безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.